

УДК 008(091)

ОРИЕНТАЛИЗМ В СОЦИО-КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ЧИТАЯ ЭДВАРДА В. САИДА

Г.Г. Нугманова, кандидат искусствоведения

Провинциальное архитектурно-градостроительное наследие, как правило, представляют как локальную разновидность магистральной линии развития общероссийской архитектуры, объясняя его особенности местной традицией, историческими, природно-географическими факторами и т.д. Исследования чаще всего носят описательный характер, ограничиваются констатацией фактов проявления местного своеобразия в рамках архитектурно-художественных стилей и временного отставания по сравнению со столицами. Подобные подходы отражают лишь результат и не позволяют увидеть глубину и суть происходивших явлений.

При изучении российской культуры имперского периода интересную картину дают методы и представления, выработанные современной гуманитарной наукой¹. Настоящая работа посвящена Волго-Уральскому региону XIX — начала XX в. Цель ее — обсуждение архитектурно-градостроительного процесса в контексте колониальной политики XIX в. В нем участвовали две стороны. Одна из них — российский центр, располагавший властными полномочиями, большим числом профессиональных идеологов, политиков, архитекторов и т.п., и, что не менее важно, имевший явную цель внедрить по всей стране идеи и образцы культуры, сформированные в столицах. Другая сторона — провинциальное общество рассматриваемого региона. Оно не вступало в спор с центром и по возможности следовало его указаниям, но сам способ выполнения этих указаний содержал в себе неявный

ответ на культурные манифесты центра и зачастую вызывал определенную реакцию в столицах. Именно имплицитность провинциального ответа создала ситуацию, когда диалогический характер архитектурно-градостроительного процесса в России до сих пор не привлекал внимания исследователей. Важно отметить, что население данного региона содержало значительный в численном отношении этнический и иноверческий компонент. Последнее обстоятельство меняло природу любых общественных процессов в регионе, привнося в них элемент межконфессиональных и межэтнических отношений. Это неизбежно касалось и архитектурно-строительной проблематики.

Нам представляется, что разработанная в мировой гуманитарной науке система подходов, известная как постколониальные исследования (postcolonial studies), позволяет адекватно раскрыть рассматриваемые нами явления в истории русской культуры. Отметим, что колониализм здесь понимается как явление не столько экономическое, сколько как культурное. В общих чертах оно сводится к тому, что обладающий властью центр империи связывает свою власть со знанием и считает необходимым распространить это знание на все колонизируемое пространство. Отношения российского центра и российского общества обычно характеризуют в таких терминах, как патернализм, ориентализм, колониализм и т.д.

Патернализм, как уподобление общественных отношений отношениям в патриархальной семье, часто приобре-

тал популярность на поворотах российской истории. Вероятно, это более понятное явление, чем колониализм или ориентализм. В отличие от них концепция патернализма относится скорее к словесной оболочке власти, чем к практическому ее осуществлению. Однако в связи с темой данного исследования стоит отметить, что в схеме «царь — отец, а православные — его дети» для неправославного населения оставалось в лучшем случае место пасынков.

Вышедшая в 1978 г. книга Эдварда Вади Саида «Ориентализм. Западные концепции Востока» стала событием в западной гуманитарной науке². Темой этой книги стал не сам ориентализм в классическом смысле этого слова, т.е. корпус научных данных об истории и культуре Востока, и не история формирования этого корпуса. Она посвящена критическому исследованию сложившейся в европейской (в основном британской и французской) и американской науке традиции изучения Востока, носящей по преимуществу имперский характер. Основной тезис Саида состоит в том, что западные исследователи изучают не презентации, а репрезентации восточной культуры и истории, иначе говоря, любой факт в этой области воспринимается через призму сложившихся на западе имперских представлений. Для Саида ориентализм — это не научная дисциплина, а сложившийся дискурс.

Нельзя сказать, что такая позиция была заявлена впервые именно Саидом. Многие западные интеллектуалы высказывали подобные мысли после первой мировой войны и особенно часто после крушения колониальных империй в середине XX в. Но, как уже говорилось, именно книга Саида стала событием. Конечно, это обусловлено главным образом тем, что в ней эта позиция заявлена очень ярко и снабжена разветвленной системой примеров и обоснований. Но немалую роль сыграла и личность автора. Палестинский араб-христианин с блестящим западным

образованием, профессор ряда американских и европейских университетов несколько лет был заместителем Ясира Арафата в руководстве организации ФАТХ. Во всяком случае, считается, что именно книга Саида положила начало современным *postcolonial studies*.

Саид довольно четко очерчивает предмет своей работы. Под Востоком в ней понимаются арабские страны и Индия, а под Западом — Великобритания, Франция, США и (в меньшей степени) Германия. Однако по мере роста популярности его концепции границы стали размываться. Например, в прошлом году в г. Алматы состоялась конференция на тему «Восточный Ориентализм», посвященная современному искусству азиатских стран, появился термин «оксидентализм», означающий репрезентации западной культуры на Востоке и т.п. Основной тезис Саида состоит в том, что западные исследователи изучают не презентации, а репрезентации восточной культуры и истории. Иначе говоря, любой факт в этой области воспринимается через призму сложившихся на западе имперских представлений. Многие из его наблюдений и выводов справедливы и для России. Например, о том, что ориентальное знание одновременно является властью.

Рассмотрим различные аспекты и преломления идей Саида применительно к имперской России.

Саидов ориентализм генетически связан с колониализмом. Как уже отмечалось, нас в первую очередь интересуют не экономические, а культурные аспекты колониализма. Они основаны на культурной дистанции между теми, кто осуществляет колонизацию, и теми, кто ей подвергается. Эта дистанция маркируется разными средствами — расовыми, этническими, религиозными, юридическими и т.д., которые, выступая в роли знаков-различий, выстраивают необходимую дистанцию между властителями и подданными. Работа с этой культурной дистанцией, манипулирование ей является ключевым элементом всякой колониальной политики.

В многонациональной и многоконфессиональной России значительная культурная дистанция существовала между русскими (православными) и инородцами. Здесь знаки-различия, необходимые для имперской администрации как коды «свой-чужой», наиболее очевидны и понятны.

Однако не менее значительной была культурная дистанция между правящими и низшими классами, относящимися к одной этнической группе. Эта дистанция также обозначалась маркерами. Самый яркий, по-видимому, пример представляет петровский эксперимент с бородами. Со временем классовый контраст только усилился, и знаки-различия касались теперь и языка (иноязычие верхов), религии (раскольниковство низов), существовали и юридические различия (телесные наказания для низов и тюремная система для верхов). Впрочем, процесс шел неоднозначно. Иногда идеи народности становились главенствующими и культурные различия российской элиты и православных низов в чем-то сглаживались.

Следовательно, колониализм и ориентализм, как его отражение в культуре, в России носили двойной характер. Во-первых, они существовали в обычном смысле колонизации Востока Российской империей. Здесь в качестве Востока выступали завоеванные народы, представлявшие традиционный предмет ориентализма. В другом случае оппозиции Запад-Восток соответствовала оппозиция государство (как носитель власти и культуры) — с одной стороны, и народ, подлежащий просвещению, т.е., в сущности, той же колонизации.

Особенность России, которую отмечают историки, заключалась в том, что в культурном, социальном и экономическом отношениях империя развивалась снаружи вовнутрь («В России центр на периферии» — писал Ключевский). Центры располагались по географической периферии, отсюда цивилизация распространялась в центр. Российские губернии подразделялись на внешние и на внутренние, и государственная по-

литика в отношении них очень сильно различалась. Первые из них находились в более благоприятных условиях. Они (Польша, Финляндия, Среднеазиатские Эмираты) имели определенные налоговые льготы и некоторые законодательные послабления по сравнению с великорусскими губерниями. Это необычно для классической колониальной ситуации, но вполне соответствует имперской логике, когда удержание завоеванных территорий имело самостоятельную ценность. В результате основные колонизационные усилия империи были направлены именно в центральные губернии и в Сибирь.

Этот российский путь колонизации, направленный не вовне, а внутрь метрополии, определяется термином «внутренняя колонизация», впервые употребленным по отношению к России еще в XIX столетии в западной науке (Август Гакстгаузен, *The Russian Empire, its People, Institutions, and Resources*, London, 1856). В современной историографии Петровские реформы были представлены как «уникальный акт самоколонизации русского народа» и термин «самоколонизация» имеет тот же смысл (Гройс Б. *Имена города // Гройс Б. Утопия и обмен*. М., 1993). Романом внутренней колонизации называет А. Эткинд русскую литературу XIX столетия. Он пишет: «Главные пути российской колонизации были направлены не в Польшу и даже не в Башкирию, но в тульские, поморские, оренбургские деревни. Сюда направлялись местные паломники в страну Востока. Здесь открывали общину, записывали фольклор, выявлялись старинные обычаи, странные секты. В российских столицах известия о новых экзотических открытиях воспринимались так же, как в европейских с одной лишь разницей — этот экзотический народ был своим и говорил на том же языке. Россия колонизовала саму себя, осваивала собственный народ. Народ был другим, хотя и говорил на русском языке, но те же слова произносил иначе и вкладывал в них иной смысл. Мис-

сионерство, этнография, экзотические путешествия, характерные явления колониализма в России были обращены внутрь собственного народа»³.

Таким образом, в конструкции, предложенной Саидом, в данном случае Востоком выступает российская глубинка, российская провинция.

Однако этот Восток расщеплен надвое. Значительная часть внутренних российских территорий была населена инородцами, например, Волго-Уральский регион, присоединенный еще в XVI в. Абсолютное большинство населения его населения составляли коренные жители, этнические инородцы — татары, чуваша, марийцы, мордва, удмурты, башкиры. Поэтому проводимая здесь политика может быть отнесена скорее к традиционному типу внешней колонизации. Вероятно, А. Эткинд прав в отношении башкир, поскольку российская империя быстро оставила почти бесполезные попытки внедрения своих культурных нормативов в среду кочевых народов. Власть ограничилась обозначением своего присутствия на линиях, отделяющих киргиз-кайсацкие орды, выстроив в местах культурных контактов 4 каменные мечети по имперскому образцу (городах Оренбурге, Верхнеуральске, Троицкой и Петропавловской крепостях).

Но колонизация оседлых инородцев шла полным ходом. Показателен проект Азиатской Академии, разработанный в 1810 г. С.С. Уваровым и предназначенный к «исправлению состоянию побежденных» народов с помощью такого сочетания просвещения и религии, которое способствовало бы образованию и благоденствию побежденных»⁴. Налицо описанный Саидом ориенталистский подход, сформулированный представителем имперской власти. Проект не был реализован, но основные его идеи были воплощены во внутренней политике Министерства народного просвещения, которое С.С. Уваров позднее возглавил. Основанные в г. Казани сначала гимназия (при Московском университете),

а затем в 1804 г. университет, ставший третьим императорским, стали подлинными очагами имперской науки о собственном Востоке. Здесь готовили имперских администраторов. В своей речи, посвященной десятилетию Министерства народного просвещения, С.С. Уваров отметит, что в области восточной словесности «Между всеми университетами европейскими, казанский есть первый», особо отметив тот факт, что в нем к «Государственной надобности обучаются на казенном содержании особые воспитанники» для определения в качестве должностных лиц⁵. Восточное отделение прославилось своими ориентальными коллекциями и учеными-востоковедами настолько, что составляло кадры в столичный университет, а в советское время там оказались и его коллекции.

Что касается религиозного просвещения инородцев центральных губерний России, то часть их к моменту завоевания исповедовало язычество, а другая часть — ислам, утвердившийся здесь с X в. Завоевание этих народов сопровождалось насильственным крещением. Но постепенно волна массовой христианизации инородцев стихла настолько, что, как оказалось, два века спустя после завоевания в Казанской губернии практической в каждой татарской деревне имелось мечеть. Язычество также процветало.

Новый всплеск, пришедшийся на середину XVIII в., отличался поистине имперской жестокостью и оставил в народной памяти воспоминания, незабываемые на протяжении всего последующего времени и вытеснившие даже события XVI в. Интересы экономического развития и внешней политики заставляли метрополию проявлять гибкость и, в какой-то мере, идти на уступки. Власть создала институты для управления жизнью мусульманского населения под своим пристальным наблюдением. Духовное магометанского закона собрание было размещено подалее от мусульманского центра, русской Уфе. В Казани жизнью мусульман-

ского населения управляла Татарская ратуша. Созданные Институты сыграли консолидирующую роль в формировании татарской нации.

Существовали определенные различия в процессах колонизации регионов, населенных мусульманами и язычниками. Завоеватели очень долго не различали эти религии и проводили одинаковую политику насильственной христианизации. Различать их стали лишь ближе к середине XIX столетия, когда язычники были успешно крещены (хотя бы формально), а тщетность попыток массового обращения мусульман в христианство стала очевидной. Образовавшаяся относительно немногочисленная группа кряшен (крещеных татар) отличалась крайней неустойчивостью, готовностью при первой же возможности возвратиться в мусульманство. Мусульманство получило широкое распространение и среди языческих инородцев. Ислам стал соперничать с официальной религией, обращая в свою веру инородцев.

Результатом осознания неискоренимости и даже опасности ислама стала организация его изучения на специальном отделении во вновь созданной в Казани Духовной Академии. Красноречивы труды миссионеров – «Религиозные обряды и обычаи у татар-магометан», «О татаризации инородцев приволжского края», «О татарских мечетях», «Конфессиональные школы казанских татар», «О необходимости инородческих миссионеров в деле христианизации края» и т.д.

Чисто колонизаторским и в какой-то мере ориенталистским был один из самых грандиозных по масштабу и размаху проектов российских властей в области архитектуры и градостроительства – урегулирование поселений и внедрение образцовых фасадов в соответствии с западными идеалами. Реализация проекта, рассчитанного на преобразование огромной страны, растянулась более чем на два столетия.

Образцовый проект мечети 1829 г., напоминающий древнебулгарские па-

мятники, основан, если оперировать терминологией Саида, на западной репрезентации образа мечети, на ориентальном знании власти. Обращение к наследию отечественного средневековья при проектировании храмов соответствовало западной архитектурно-градостроительной концепции, которой следовали и в России. Однако власти неизвестно было настоящее Востока, который изменился со времен завоевания, в частности, утратил традиции монументального архитектурного зодчества. В период гонимого ислама выработался другой тип храма, ставший теперь традиционным. Две построенные по образцу 1829 г. мечети были возведены на казенных заводах на казенный счет, в то время как абсолютное большинство мечетей (которые были, хотя бы по одной, в каждой деревне, где проживали мусульмане), соответствовали сложившейся в регионе более поздней традиции.

Несоответствие традиции, дороговизна и сложность строительства мечетей по имперскому образцу вынудила мусульман в 1843 г. обратиться с посланием в «метрополию». Мусульмане попросили утвердить для них другие, более приемлемые образцы мечетей. Проекты, разработанные в Духовном управлении мусульман, сопровождались словесным описанием традиционной мечети, которая должна была быть «В простейшем виде, сообразно обычаю магометан, числу прихожан и их строению, а именно: вместо крестообразного здания, какое означено на образцовом плане, предоставить строить мечети из двух и трех комнат в ряд с особым позади здания местом для муллы (михрап) и на переди с крытым крыльцом, а наверху здания минаретою для провозглашения азана». Позднее описанное традиционное устройство мечети было открыто в этнографических исследованиях той же Духовной Академии.

В сопровождавших послание проектах минареты, врезанные в коньки крыш, отличались хорошими пропорциями и членениями, выработанными

в ходе длительной строительной практики. Однако фасады с запоздалыми, примитивно воспринятыми классицистическими формами «для большей правильности и благовидности» были в столице переделаны. Новые образцы с куполами и отдельно поставленными минаретами, которых предполагалось один, два или четыре, также отсылали к историческим прототипам, только в данном случае – к арабской средневековой архитектурной традиции. Вновь образ Востока создавался не на основе реального, существующего собственного Востока, а опирался на давно сложившиеся представления о далеком иностранном Востоке. И снова имперские образцы оказались мало востребованными. Указ 1862 г. отменил обязательное следование образцовым проектам и разрешил строительство мечетей по планам и фасадам, «какие прихожанам будут признаны удобными».

Результатом ориенталистского изучения собственного русского наро-

да стало открытие его культуры, в том числе традиционного зодчества, и, как следствие, широкое распространение влияния деревянной крестьянской архитектуры на гражданскую архитектуру российских городов.

Очевидно, что колониальную конструкцию можно распространить на широкий круг российской имперской архитектурно-градостроительной практики. В Волго-Уральском регионе с разнообразным этноконфессиональным составом населения и значительным процентом государственных крестьян социальные и культурные контрасты еще более усиливаются, субъекты и объекты колонизации еще более поляризуются. Используемые подходы, характеризующие постколониальные исследования, дают возможность описать такие тонкие культурные явления, как возникновение локальной версии ориентального дискурса из политических и экономических реалий и последующее его влияние на культурный процесс.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например: *Ричард С. Уортман*. Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. От Петра Великого до смерти Николая I. – М., 2002; *А. Янов*. Россия и Европа. Книга вторая. Загадка Николаевской России, 1825-1855. – М., 2007.

² *Эдвард В. Саид*. Ориентализм. Западные концепции Востока. – СПб., 2006.

³ *Эткинд А. Фуко и тезис внутренней колонизации: Постколониальный взгляд на советское прошлое // НЛО. 2001. № 49. – С. 50-74; Он же. Русская литература, XIX век: Роман внутренней колонизации // НЛО. 2003.*

⁴ *Уваров С. С.* Речь президента Академии наук. СПб., 1818.

⁵ *Уваров С. С.* Десятилетие Министерства народного просвещения. 1833-1843. – СПб., 1864. – С. 23.

Аннотация

В статье рассматриваются возможности применения методов и представлений, выработанных современной гуманитарной наукой в области архитектурно-градостроительной деятельности на примере Волго-Уральского региона. В частности, система подходов, известная как постколониальные исследования, представляется эффективной при изучении региона со значительным этническим и иноверческим составом населения, позволяющей адекватно рассматривать происходившие явления в истории русской культуры имперского периода.

Ключевые слова: архитектура Волго-Уральского региона, этно-конфессиональный состав населения, постколониальные исследования.

Summary

The methods and conceptions of modern humanities using possibilities are considered in the field of Architectura and Town Planning on the example of Volga-Ural region. The Post-colonial studies approaches appear to be effective in the researching of the region with polyethnic and polyconfessional population.